

5 декабря — 170 лет со дня рождения Афанасия Фета

О ПУБЛИКОВАННАЯ почти полвека назад статья одного из крупнейших германских русистов Рейнгольда Траутманна «Мать А. Фета — Шеншина»¹ во многом проливает свет на происхождение поэта. Не уместно добавит к этому сведения, полученные мною в свое время из Дармштадта. Благодаря любезному содействию моего давнего знакомого известного славыста, профессора Геттингенского университета Рейнхарда Лауера директор Гессенского государственного архива в Дармштадте профессор Е. Г. Франц прислал мне ксерокопии ряда документов и свои содержательные комментарии к ним (некоторые из полученных сведений я кратко изложил в предисловии к составленной мной книге: А. А. Фет. «Стихотворения». М., 1981).

Поскольку в статье Р. Траутманна достаточно ясно обрисована фигура матери поэта, я сосредоточусь на вопросе об его отце. Безусловно преобладает точка зрения, согласно которой отцом поэта был первый муж Шарлотты Бенкер — дармштадтский обер-ассессор Иоганн-Питер-Карл-Вильгельм Фёт (1789—1825). Упомянутый выше профессор Е. Г. Франц по сохранившимся в архиве свидетельствам установил, что Фёт был внебрачным ребенком одного из сыновей великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига I. Нельзя не упомянуть в связи с этим, что Иоганн Фёт, таким образом, являлся двоюродным братом внучки Людвига I, русской императрицы (супруги Александра II) Марии Александровны, а также приходился двоюродным дедом праправнучке этого великого герцога — последней русской императрице Александре Федоровне.

Согласно архивным данным, обер-ассессор Иоганн Фёт — человек весьма тяжелого и неприятного характера и поведения (что было обусловлено, по-видимому, и с «незаконнорожденностью») — пользовался многообразной поддержкой великого герцога Людвига I, то есть своего «тайного» деда. Трудно сомневаться в том, что сам его брак с Шарлоттой, принадлежавшей к очень уважаемой семье (отец ее, Карл Бенкер, был сыном дармштадтского городского головы и стал верховным военным комиссаром великого герцогства; мать происходила из знатного баронского рода фон Гагернов), был заключен под воздействием Людвига I. Не может быть случайностью и тот факт, что после кончины Фёта (вскоре умер и Карл Бенкер) опекуном его дочери Каролины, то есть правнучки великого герцога, был назначен не кто-нибудь, а лейб-медик последнего барон Георг Веденкинд (следует напомнить, что в те времена любое родство имело ГОРАЗДО большее значение, чем ныне).

Но брак Шарлотты и Иоганна Фёта, заключенный 18 мая 1818 года, был заведомо неудачным. Фёт безобразно обходился с молодой женой, впадал в запой, подолгу не бывал дома и в то же время постоянно требовал от тестя денег. Ко времени рождения дочери Каролины (17 июля 1819 года) отношения супругов, а также тестя и зятя уже безнадежно испортились.

А в конце 1819 (или же в самом начале 1820) года богатый русский дворянин, горячий поклонник идей Руссо Афанасий Неофитович Шеншин, приехавший в Дармштадт для курортного лечения, снимает помещение для жительства в доме Карла Бенкера. Между Шарлоттой и Шеншиным вскоре же возникает взаимная симпатия, она горько жалуется ему на мужа, а вскоре русский постелец предлагает Карлу Бенкеру расторгнуть столь неудачный брак его дочери и выдать ее за него. Но Бенкер категорически отказывается, поскольку ему наверняка было известно, каким высочайшим покровительством пользуется его зять, Шеншин в конце концов вынужден был переехать в гостиницу рядом с домом Бенкера. А 19 сентября (по европейскому стилю — 1 октября) он покидает Шарлотту и тайно увозит ее в Россию, в свое орловское имение Новоселки. Здесь она вскоре и рождает сына.

В документах наличествуют две даты этого рождения — 29 октября и 29 ноября (по русскому стилю); сам поэт называл днем своего рождения 23 ноября, то есть, по нынешнему счету, 5 декабря 1820 года — ровно 170 лет назад. Так или иначе поэт родился всего лишь через несколько недель после бегства Шарлотты из Дармштадта.

Такова вполне достоверная картина происхождения Афанасия Фета. Но остается один вопрос не столь уж простой, как может казаться, вопрос: кто был действительным отцом поэта? Изложенные выше факты при беспристрастном об-

суждении должны, мне представляется, привести к выводу, что Афанасий был сыном А. Н. Шеншина.

С УДИТЕ сами: Шарлотта оставляет в Дармштадте свою годовалую дочь от Фёта Каролину, которую она, без сомнения, горячо любила (об этом свидетельствуют, в частности, ее позднейшие письма брату Эрнсту и тот факт, что, достигнув совершеннолетия, Каролина приехала к матери в Россию и вскоре вышла замуж — к тому же за племянника А. Н. Шеншина); итак, одного ребенка она «бросает» и увозит в своем чреве другого, долженствующего появиться на свет всего лишь через несколько недель.

Почему? И почему на это соглашается А. Н. Шеншин вместо того, чтобы подождать всего несколько недель, остающихся до рождения этого чужого ему ребенка, передать его щедро оплачиваемой кормилице (между прочим, из дармштадтских документов явствует, что Шеншин оставил Карлу Бенкеру целый капитал, на проценты с которого должна была содержаться Каролина, — десять тысяч гульденов²; на эти деньги затем безуспешно претендовал корыстный Иоганн Фёт) и

временный исследователь жизни и творчества Фета А. Е. Тархов: «Племянник поэта В. Семенович (иногда Семеновичи, по происхождению сербы, были в близком родстве и соседстве с Шеншиными) в своей статье, посвященной происхождению Фета, сообщает, что встречал одного татарина из волжских Шеншиных, который паразит его сродством с Фетом».

Необходимо при этом иметь в виду, что В. Н. Семенович — единственный родственник Фета, высказавшийся о его происхождении, и что Шеншины (это явствует уже из самой фамилии) были потомками перешедшего на русскую службу и принявшего православие татарского князя.

И «спорадическое» сходство Фета с одним из «татаровидных» Шеншиных — лишний аргумент в пользу того, что Афанасий Неофитович Шеншин был его настоящим отцом (Афанасий был зачат в марте 1820 года, а Шеншин поселился в доме Бенкеров еще в последние месяцы 1819-го или в крайнем случае в самом начале 1820 года). Именно потому Шеншин «похитил» Шарлотту, не дождавшись близких родов, дал мальчику свое имя и столь дерзко, хотя заведомо тщетно пытался утвердить его в качестве своего сына.

ВЫШЕИЗЛОЖЕННОМУ вроде бы категорически противоречат два обстоятельства: во-первых, в ряде писем Шарлотты и самого Шеншина к Эрнсту Бенкеру Афанасий объявлен сыном Иоганна Фёта, а во-вто-

О ТАЙНАХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ АФАНАСИЯ ФЕТА

потом уже увести свою возлюбленную в Россию.

Далее Шеншин дает этому вроде бы чудному ему новорожденному свое собственное имя Афанасий и добивается, чтобы в церковных книгах он был записан в качестве его законного сына, крайним образом рискуя при этом быть обвиненным в постыдном обмане (что позднее и произошло...).

Наконец, нельзя не сказать о следующем. Многие люди, знавшие Фета в его зрелые и поздние годы (в частности, члены семьи его друга Льва Толстого), слышали о «загадочности» происхождения поэта и, с другой стороны, видели в его лице черты, не характерные ни для славянских, ни для германских лиц. Отсюда и возникла широко распространявшаяся впоследствии «версия» о еврейском происхождении Фета. Утверждалось, что еврейями были или его мать, или отец. В последнем случае имелся в виду либо Иоганн Фёт, либо еще кто-то неведомый — вплоть до некоего кенигсбергского шинкаря, у которого Шеншин будто бы купил беременную жену, — хотя, если вспомнить о глубоко присущем евреям культе рода, семьи, потомства, культа, так восхитившем, например, В. В. Розанова, — вариант версии и нелеп, и оскорбителен.

Означенная «версия» возникла среди людей, никто из которых никогда не видел ни рано умерших Иоганна Фёта, Шарлотту Бенкер и А. Н. Шеншина, ни кого-либо из других родственников поэта. И в связи с этим чрезвычайно важен факт, о котором напомнил недавно лучший сов-

других письмах и она, и Шеншин «всчески стараются убедить адресата в том, что Афанасий — сын Фёта. Но в результате он потерял не только принадлежность к роду Шеншиных, но и свое дворянство, право на поместье и даже российское гражданство...»

И вовсе не будет катклкой приятн и убеждению, что родители попросту вынуждены были позднее внушить сыну, что его отец — Иоганн Фёт! Ибо слишком тяжко, прямо-таки невыносимо было бы Афанасию Афанасьевичу жить, зная, что в действительности он сын Шеншина, но никак не может быть признан таковым. Лучшим выходом было убедить сына, что его отец — Фёт (как ранее посредством целого ряда писем убедили в этом дармштадтских родственников).

Но Афанасий Афанасьевич в конце концов узнал правду и в 1873 году подал на высочайшее имя прошение о возвращении ему «родового имени». Многие авторы сочинений о Фете утверждают, что поэт беззастенчиво солгал. Но с этим едва ли можно согласиться.

Он действительно прилагал различные усилия для того, дабы его считали сыном Шеншина, хотя был убежден, что он — сын Фёта. Однако в ответственный момент, в преддверии свадьбы с М. П. Боткиной, он — рискуя возможностью разрыва — признался в письме к невесте, что он сын Фёта, а не Шеншина. И невозможно представить себе, что глубоко верноподданный Афанасий Афанасьевич решился на заведомую ложь в своем прошении на имя Александра II, который непосредственно сам должен был признать поэта сыном Шеншина.

Верно то, что поэт приложил к своему прошению фальшивый документ, составленный еще в 1820 году, более полвека назад, — документ, в котором утверждалось, что его отец А. Н. Шеншин будто бы обвенчан с его матерью еще в Германии (и, следовательно, поэт родился в уже узаконенном браке). Но этот фальшивый документ был составлен еще до рождения поэта, и он, так сказать, и не нес за него ответственность.

Верно другое: в 1873 году поэт реально узнал, что он все-таки сын Шеншина. Как уже говорилось, став Фетом, поэт потерял право на поместье, и родовое имя Новоселки досталось его сестре Надежде. Но к 1871 году умерли и сестра, и ее муж, и позднее семейный архив был перевезен в имение поэта Степановку. В 1873 году Афанасий Афанасьевич стал разбирать этот обширный архив, в котором нашлись, в частности, письма его деда Карла Бенкера. И поэт, очевидно, нашел веские подтверждения того факта, что он — сын Шеншина, а не Фёта.

Здесь надо вспомнить, что поэт был официально объявлен сыном Фёта еще в 1834 году; через 23 года, в 1857-м, он признался в этом невесте. А затем еще 16 лет не предпринимал никаких усилий по «пересмотру дела». И начал действовать лишь тогда, когда точно узнал об отцовстве Шеншина. Абсурдно полагать, что почти 40 лет он мирился со своим положением, а в 1873 году вдруг решился на откровенную ложь и в глазах своей жены, и в прошении, обращенном к предельно уважаемому им государю...

Да, поэт опирался на фальшивый документ. Но дело в том, что он и не мог опираться на открывшееся ему знание об отцовстве Шеншина, ибо ребенок был зачат все-таки вне брака. И сообщение о реальном событии не давало почвы для узаконения поэта в качестве Шеншина и, с другой стороны, бросало тень «позора» и на мать, и на отца...

Но сам тот факт, что Афанасий Афанасьевич, протомчав сорок лет, вдруг взялся добиваться признания себя сыном Шеншина, как я полагаю, ясно говорит: поэт действительно узнал, кто был его настоящим отцом.

Это идет вразрез с популярными биографическими очерками о Фете, но распространенность какой-либо версии отнюдь не является доказательством ее правоты...

¹ Перевод статьи Р. Траутманна, опубликованной в 1942 году в XVIII томе журнала «Вопросы Славянской филологии», печатается ниже.

² Фамилия мужа Шарлотты была именно «Фёт» (Foeth); поэт же назвал себя «Фет».

³ Из этого факта, очевидно, и возникла расхожая легенда о том, что Шеншин «купил» Шарлотту у ее мужа — брата отца.